

Едва сдерживая своё и без того предельное терпение, Сяо Цянь разыгрывал сцену глубоких отцовских чувств с рыдающим маркизом Аньчана. Каждый миг казался ему вечностью, и он с нетерпением ждал, когда же появится госпожа Ху, чтобы спасти его от этого кошмара.

— Господин всё ещё болен, не стоит так сильно расстраиваться, — госпожа Ху прикоснулась платком к уголкам глаз. — Императрица, в отличие от второй дочери, которая уехала далеко, остаётся в столице. Вы всегда сможете увидеться. Позаботьтесь сначала о своём здоровье.

Сказав это, она поманила нескольких служанок и приказала:

— Позаботьтесь о господине, пусть он отдохнёт.

Затем повернулась к Сяо Цяню:

— Господин так сильно скучает по сыну. Возможно, Ваше Величество, вы могли бы остаться на обед и провести с ним ещё немного времени.

Ну что ж, все хорошие слова уже сказаны. Как можно отказать, когда маркиз Аньчан в таком возрасте так усердно рыдает?

Сяо Цянь притворился, что колеблется, и лишь через некоторое время кивнул.

Госпожа Ху, чьи глаза слегка вращались, внезапно остановилась, и в них мелькнул странный блеск, словно она была довольна. Она улыбнулась сквозь слезы:

— Пусть кто-нибудь проводит императрицу в Двор Утун для отдыха.

В голове Сяо Цяня загорелась лампочка. Ах, вот оно что.

Спокойно поднявшись и выйдя из комнаты, Сяо Цянь почувствовал необычайное облегчение.

Маркиз Аньчан и госпожа Ху явно не были слишком близки с Сяо Ци. Сегодня они пригласили его не для того, чтобы искренне пообщаться или навестить больного, а для чего-то другого. Хотя предстояло ещё немного интриг, это было куда приятнее, чем слушать, как маркиз рыдает.

Что бы это ни было за логово, нужно было в него войти, чтобы узнать.

Часто злоба обычных людей не сравнится с откровенностью злодеев.

Тигр, независимо от того, ядовит он или нет, никогда не имеет отношения к тому, ест ли он своих детей.

Двор Утун находился в юго-западном углу усадьбы маркиза Аньчана и был довольно большим.

Крытые галереи были изящны, а лак блестел. Взгляд сразу же притягивали два ряда высоких деревьев утун, устремлявшихся в небо. Уже наступила глубокая осень, и зима была не за горами. Широкие листья утуна покрывали ступени, создавая вместе с белыми хризантемами и камелиями особую атмосферу осеннего уюта.

Как только Сяо Цянь сел, служанка, которая вела его, собралась уходить, чтобы проводить остальных слуг на отдых.

— Эй, подожди.

Сяо Цянь остановил её, постепенно входя в роль Сяо Ци, который, по слухам, был высокомерным и трусливым. Он поднял глаза и сказал таким тоном, что хотелось заткнуть ему рот тремя цзинями прокисшей капусты:

— Что это такое? Вы всех их уводите, а кто будет служить мне? Это просто кучка глупых слуг, тебе не нужно о них заботиться, уходи, уходи.

Служанка на мгновение замерла, выражение её лица говорило: [Я так и знала]. Она была уверена, что этот третий молодой господин не мог так просто измениться.

— Ваше Величество, это приказ госпожи, — сказала она, не приводя других аргументов, уверенная, что одно только упоминание госпожи Ху сломит Сяо Ци, этого бумажного тигра.

Сяо Цянь действительно сник, немного помедлил и указал на одного из слуг:

— Оставь этого, остальных заberi.

Служанка взглянула на низко склонившегося мужчину, который выглядел покорным и робким, и не стала спорить. Она увела Линь Лин и остальных слуг, а затем две маленькие служанки из Двора Утун закрыли дверь.

Голоса людей постепенно затихли вдали.

Сяо Цянь прошёлся по комнате, затем развалился на кушетке, вытянул ноги, сделал глоток чая и поманил пальцем стоящего человека:

— Чего ты стоишь? Иди сюда, помассируй мне ноги.

Тот послушно подошёл и ударил Сяо Цяня в грудь.

Для Сяо Цяня, который уже начинал восстанавливать свою привычную толстокожесть, это было скорее щекотно, чем больно. Но его актёрские навыки снова дали о себе знать. Он схватил человека за руку и не отпускал:

— Ой... как больно, ты ведь на самом деле ударил... неужели никто не может остановить это? Император убивает собственного мужа...

Лицо императора Фан Минцзюэ стало чёрным, как дно котла.

Генерал Сяо закончил своё представление, усадил Фан Минцзюэ и серьёзно сказал:

— Ну как? Я же не обманул тебя? Выход из дворца имеет свои преимущества. Сидя в этом маленьком уголке, что можно узнать? Только глупее становишься.

Фан Минцзюэ холодно ответил:

— Так это и есть твоя причина, чтобы я притворился евнухом?

Сяо Цянь кашлянул и по-дружески обнял плечо молодого императора:

— Эх, кого винить? Если бы ты притворился охранником, Ян Цзинь выколол бы себе глаза.

Фан Минцзюэ не хотел углубляться в тему, которая задевала мужскую гордость, и продолжил по предыдущей теме:

— Падение маркиза Аньчана с лошади, похоже, не случайность. И, судя по всему, настоящей главой в этом доме является госпожа Ху.

— И к тому же маркиз плакал без всякой причины, — холодно усмехнулся Сяо Цянь. — Как бы он ни был отстранён от дел, он всё же маркиз. Даже если он действительно переживает, он не стал бы рыдать перед незаконнорожденным сыном. Это явно было начало чего-то большего. Чем больше вежливости в начале, тем больше опасности потом.

Услышав это, Фан Минцзюэ слегка повернул голову:

— Если всё так опасно, ты не беспокоишься о своей безопасности, но всё равно настаиваешь остаться?

Сяо Цянь, не отпуская руку Фан Минцзюэ, слегка потянул его к себе, их плечи соприкоснулись.

Его специально пониженный голос, как мягкий ветерок, проник в ухо, щекоча сердце:

— Моя безопасность не так важна, я беспокоюсь только о тебе, Ваше Величество. Поэтому, с этого момента, прошу тебя, не отходи от меня ни на шаг.

Первая часть его слов была настолько легкомысленной, что невозможно было понять, искренние они или нет, но вторая прозвучала холодно, внушая неожиданное чувство уверенности.

Фан Минцзюэ опустил глаза, его густые ресницы скрывали слабый блеск, а тонкие бледные губы слегка сжались, скрывая эмоции, которые рвались наружу. Только лёгкий вздох вырвался из его уст:

— Рисковать собой — не самое мудрое решение.

Сяо Цянь поднял бровь:

— Ты ещё хочешь сказать, что благородный муж не стоит у опасной стены?

Фан Минцзюэ поднял глаза.

Сяо Цянь улыбнулся с нахальной ухмылкой:

— Я не благородный муж. Кто посмеет быть подлецом со мной, я сделаю так, чтобы он больше не смог рожать подлецов.

Фан Минцзюэ сначала не понял, но, связав контекст с привычным поведением Сяо Цяня, сразу же осознал смысл. Можно только сказать, что бесстыдство Сяо Цяня постоянно удивляло Фан Минцзюэ, заставляя его стыдиться своей наивности.

— Ваше Величество, ты всегда был умным, может, догадаешься, какой у них план? — внезапно приблизился Сяо Цянь, шепча на ухо Фан Минцзюэ.

Фан Минцзюэ уже не злился на такие шутки.

На его обычно холодном лице появилась лёгкая улыбка, он встал, порылся в ящиках у кровати и достал аккуратно сложенный кусок благовония. Сняв крышку с курильницы, он бросил его внутрь.

Дым поднялся, и знакомый странный аромат заполнил комнату.

Он был одновременно свежим и приторным, кружащимся и обволакивающим, но в то же время разжигающим огонь в сердце.

— Так и есть, — произнёс Фан Минцзюэ, его лицо стало холодным, как зимний мороз.

Сяо Цянь, наблюдая за всем этим, не знал, смеяться или плакать:

— Ваше Величество, с этим благовонием всё в порядке, оно не обязательно вызывает только возбуждение. И... если бы оно действительно было опасно, разве стоило его зажигать?

Фан Минцзюэ замер.

Сяо Цянь с сожалением щёлкнул по чашке чая, которую он выпил, как только вошёл.

— Ты... — Фан Минцзюэ вдруг понял.

Сяо Цянь покачал головой, его улыбка была загадочной:

— Если бы мы не прошли через это, нас бы точно обманули. Я слишком добрый и наивный, чтобы играть в эти интриги.

Фан Минцзюэ не знал, что сказать.

— Благовоние в Зале Сунъян было лишь спусковым механизмом, и это не те безобидные интриги, о которых ты говорил, — после паузы Сяо Цянь произнёс шокирующие слова:

— Они хотели убить тебя, а затем свалить вину на меня, который как раз подошёл. Я подозреваю... что проблема в порошке «Застывший иней». Это из Императорской лечебницы?

— Да... — машинально ответил Фан Минцзюэ, но его сердце вдруг сжалось от тревоги, и он схватил Сяо Цяня за руку:

— Зная, что это яд... ты всё равно выпил?!

Сяо Цянь был поражён, явно не ожидая такой реакции от императора. Фан Минцзюэ, резко осознав свою несдержанность, сдержал эмоции, отпустил руку и холодно усмехнулся:

— Ты даже толком не можешь объяснить, так что, возможно, на этот раз они хотят свалить вину на меня.

Это была нормальная реакция.

Сяо Цянь задумался. Может быть, благовоние действительно было ядовитым? Иначе почему император вдруг повёл себя так странно?

Собираясь воспользоваться ситуацией, генерал Сяо вдруг изменился в лице и легонько хлопнул Фан Минцзюэ по заднице:

— Кто-то идёт.

Рука Сяо И, касавшаяся двери, замерла, и он вместо того, чтобы толкнуть её, постучал.

Взглянув на тень, отбрасываемую светом на окно, Сяо Цянь прочистил горло:

— Кто там?

<http://bllate.org/book/16207/1454651>